Махтумкули 19.05.92

...НЕ УМРЕТ ТВОЯ СТРОКА

«Пойми построенное мной»

Есть художники, интерес к творчеству которых с годами лишь возрастает. И дело не только в высоте духа поэта и непостижимости его дарования, но и в том истовом желании понять суть духовной системы художника, что не оставляет и сегодня многих ценителей и исследователей. Неизменны стихи Махтумкули — а изменился ли наш взгляд на его поэзию? Об этом диалог Худайберды ДУРДЫЕВА, писателя, автора книги о Махтумкули «Ковчег разума», главного редактора журнала «Дияр» и корреспондента «Туркменской искры» Татьяны ГЛЕБОВОЙ.

Глебова Т.: У меня нередко возникает ощущение, что большой поэт — всегда избранник. Не знаю — Бога ли, судьбы или случая. Но всегда жизнь его и творчество несут печать некой заданности, что ли. Словно сказано ему: иди, «страдай и мысли», прими сей жребий. Вот и у Махтумкули есть строки: «Жертва истины небесной, Дух мой, жизнь, моя казна...»

Дурдыев Х.: Да, но дальше он пишет: «Сам я принял жребий странный. Сам вошел в огонь багряный...» Поэт сам осознает себя творцом, сам принимает на себя тяжкий крест и горькое счастье быть глашатаем времени, быть проводником голоса своего народа. Он избранник в том смысле, что сам избирает себя жертвой — принося судьбу свою и нередко жизнь на костер борьбы за народные идеалы. И делает это осознанно, выражая в своем творчестве те идеи, что зреют на ниве национальной жизни.

Г. Т.: Все-таки поэт — первый среди равных?

Д. Х.: Поэт и его творчество, положим, Махтумкули, это фактор туркменской истории, который изменяется вместе с ней, но и меняет ее. Поэзия его — некий энергетический сгусток истории нашего народа, который, словно магнит, притягивает все, что составляет суть и смысл национального существования.

Вот и сегодня, когда в обществе царят раздор и смятение, когда дефицит материальный, словно жупел, угрожает нам и потерей последних, как иногда кажется, нравственных ориентиров, нас спасти может обращение к творчеству великого Фраги. Вообще прикосновение к истокам, наследию, всему тому, что питает национальную «корневую систему» — вот путь к излечению от той духовной ущербности, в которой мы пребываем.

Сегодня, как никогда, всем нам необходима духовная опора. Положим, последние годы словно опрокинули на нас мощную энергию русской прозы — это А. Платонов, М. Булгаков, В. Шаламов; философии — К. Леонтьев, Н. Бердяев, В. Соловьев и т. д. Их идеи и поэтическое творчество заполняют духовное пространство, которое объединяет всех нас. И наше, я бы сказал, «второе рождение» Махтумкули — это часть огромного и мощного процесса консолидации народа вокруг творческой личности в тяжкие годы испытаний. Сегодня пришло время не легендарного, а реального исследования творчества великого поэта. Махтумкули — феномен, требующий личностного отношения и постижения. Он, как религия, к которой человек должен прийти сам. И потому те усилия, которые совершает сегодня общество, стремясь персонифицировать массу, вычленить из толпы человека, напрямую связаны и с новой, доселе не состоявшейся встречей с Махтумкули, поэзия которого будет освобождена, я надеюсь, от узды официального литературоведения. Достаточно навредили после 1917 года и рапповские, и пролеткультовские деятели от науки, и тот беглый, робкий подход к поэтическому наследию, который старательно превращал живую, пульсирующую материю поэзии в сухую, удобную «вождям» схему.

Сегодня пришло время уединенного осмысления великого наследия Махтумкули — только это даст реальные следы обновления душ. Он не нуждается в лозунговом признании, в проведении очередного мероприятия — все это не откроет нам дверь в храм его поэзии. Но когда каждый из нас останется наедине со словом, выстраданным Фраги, тогда и возникнет та нравственная аура, что наполняет духовную жизнь народа животворящей силой. И каждый из нас почувствует себя частицей общего, единого пространства, которое не замыкается в рамках «малой родины», а объединяет весь земной космос. В этом суть той духовной работы, которой должен быть занят человек — и простой смертный, и великий поэт. Но художник оставляет некий осязаемый, материальный след в своем духовном поиске.

Г. Т.: Сегодня появилась возможность прочесть то, что ранее было за «семью печатями» — опубликованы религиозные стихи Махтумкули...

Д. Х.: У нас в республике, как известно, нет ни одного автографа Махтумкули. Все, что издавалось и издается — это материалы, собранные учеными, начиная с Александра Ходзько-Борейко, который еще в 1842 году издал в Лондоне три стихотворения Махтумкули, и профессора И. Н. Березина, также опубликовавшего стихотворение нашего классика в своей «Турецкой хрестоматии» (1862 год), а позднее Б. Кербабаевым, М. Косаевым и сегодняшние изыскания исследователей. Это то, что сохранили бахши, рассказчики. Рукописи, как известно, не горят, но следует приложить максимум усилий, чтобы все творчество поэта стало известно. Мне, например, представляется, что, кроме произведений «чистой поэзии», Махтумкули создавал и нравоучительно-дидактические произведения...

Г. Т.: Конечно, если его отец, Довлетмамед Азади — автор единственного (пока) в туркменской литературе трактата в стихах «Вагзи — Азат»...

Д. Х.: И не только поэтому. Мы долго расчленяли творчество Махтумкули на две ипостаси — чуть ли не революционного поэта и мистика, намеренно забывая о том, что художник — всегда сын своего времени. Духовные искания Махтумкули, были, безусловно, связаны с его религиозными взглядами. На мой взгляд, в его творчестве очевидны суфийские мотивы, самосовершенствования человека, идеи обновления, тождества личного постижения гармонии. Но в то же время религия, ставшая центром его философской системы, никогда не была самоценной для поэта.

Все его творчество — это результат дум и размышлений человека со светским разумом, не сломленного судьбой, спаянного со своим народом и страданием, и радостью. Он понимал, что не для того он пришел в этот мир, чтобы затем, оставив земную оболочку, слиться где-то в заоблачных пространствах с Богом, а для того, чтобы принять на себя страдания и чаяния своего народа, рассказать об этом всему человечеству. Не он ли говорил, что тот, кто не ценит человека, подобен скотине, набивающей лишь собственный желудок. Нет, земная сущность его философии очевидна, и как бы ни уходил суфизм от ортодоксальности ислама, все же и он нес ту меру аскетизма, которую Махтумкули, думаю, принять не мог, если она ограничивала земную радость или ущемляла человеческое достоинство.

А в исламе «человек не может утверждаться как безусловная ценность, потому что все безусловное принадлежит Богу».

Поэт же уповает на человека. «Пойми построенное мной» — вот призыв к вечной работе духа, оставленный нам Махтумкули. Нет «шифровальщиков», что растолкуют нам суть и смысл его поэзии, расскажут, кем он был, какие идеи исследовал. Мы сами должны совершить это общее невероятное духовное усилие и постараться «понять построенное». В этом смысле исторического переживания поэзии. Как нельзя писать стихи в состоянии безволия, внутреннего нравственного разброда, какого-то уныния и безразличия, так нельзя и пытаться понять их будучи не готовым к этому физически и нравственно.

Г. Т.: Я бы не сказала, что поэзия Махтумкули очень уж оптимистична. Корневые слова его поэзии: «судьба, одиночество, тоска... Кстати, в туркменском языке вообще целый синонимический ряд слову судьба — [illegible], тэлей, кысмат, кеч[illegible]...

Д. Х.: Думаю, как и в каждом национальном языке. Это ведь стержневые слова, делающие жизнь человека и нации осмысленной. А что касается тоски, печали, отчаяния, что срывается нередко с губ поэта, то ведь и трагическое несет радость понимания — это свойство поэзии. Грусть и тоска — это тоже способ приятия мира, а не отторжения от него. Вообще, видимо, стихи и вправду возникают на «пересечении радости и горя» и всегда являются «молитвой благодарения» за счастье жить, несмотря ни на что. Оттого они и не устаревают.

Г. Т.: А ваша любовь к поэзии Махтумкули — она давняя?

Д. Х.: Сколько себя помню. Но осознание его поэзии как некой вершины национального разума пришло позже. Но помню, как в голодные послевоенные годы наша школьная учительница Потаенко (к сожалению, имя-отчество забыл) читала нам Пушкина и Махтумкули, и мы заучивали их стихи, смутно догадываясь, что понимание силы, что заложена в этих строках, придет позже.

Так и живут в моей душе рядом великие поэты разных культур, рождая желание понять их творчество и ту духовную среду, которая сформировала их талант.

Когда поймешь это, придет уверенность, что душа поэзии не знает национальных границ. Современный философ Г. Померанц верно сказал, что «остается все, чем остается личность, а отпечатывается не в идее, в том, как это сказано».

Сближение культур возможно только тогда, когда их не подстегивают одну другой лозунгом об интернационализме, а когда культуры сами придут друг к другу, чтобы насладиться высокой иной духовности. И великие души — поэты — первые на этом пути взаимопонимания, потому что в их поэзии нет места религиозной нетерпимости, неприятию инакомыслия. Их поэзия пробуждает личность — и это, пожалуй, главное. Их прямая, свободная речь выпрямляет не только согнутые спины, но и открывает запорошенные глаза. Их духовные искания — кстати, поэт А. Кушнер, спрашивая о том, что это такое, отвечает: «Очевидно, это разговор с Богом и поиски смысла жизни — это попытка проторить дорогу идущим вослед. И «жертвами небесной истины» становятся поэты, которым она открывается, и простые смертные, которые к ней приобщаются через поэзию. Махтумкули — не первый и не последний на этом пути, но он из тех, о ком говорят — «оца берлен» — «ему дано».

От благодарных потомков

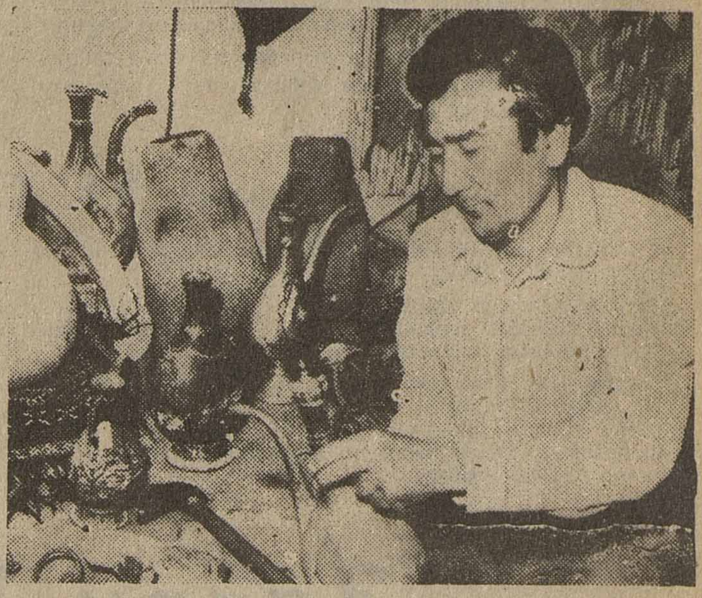
Торжественное открытие памятника Махтумкули состоялось в Дашховузе. Он установлен на одной из центральных магистралей областного центра — проспекте имени Махтумкули.

Выступая на церемонии открытия памятника работы скульптора М. Мурадова, член Президентского Совета, председатель Дашховузского областного Совета народных депутатов С. Мотаев, другие знатные горожане подчеркивали, что образ великого поэта и мыслителя и сегодня живет в сердцах его потомков. Его литературное наследие, вобравшее в себя лучшие гуманистические традиции многовековой туркменской литературы, воспитывает в людях добро.

Здесь, у памятника Махтумкули, состоялась торжественная церемония чествования группы работников искусства, удостоенных Указом Президента почетных званий.

В этот же день в Дашховузе были торжественно открыты памятники классикам туркменской литературы Нурмухаммеду Андалибу, Аль-Харезми, а также известному литератору Б. Сейтакову.

(Туркмен Пресс)



Музей Махтумкули в селе Геркез на родине поэта насчитывает сегодня более 800 экспонатов. Здесь бережно хранят одну из ювелирных работ, выполненную Фраги, его произведения, книги, подаренные посетителями музея.
НА СНИМКЕ: директор музея О. Машрыков.

Фото А. ТАНГРЫКУЛИЕВА.

Мой Геркез

Геркез... Живописное зеленое селение, расположенное между гор, где течет обычно прозрачная, ласково-говорливая речушка Сумбар, которая по весне может вдруг проявить затаенный грозный норов, затопив все вокруг. Геркез... Колыбель поэтов и джигитов. Здесь родина Махтумкули, его отца Азади, друга и собрата Фраги по перу Зелили. Здесь жил и воевал знаменитый Аллаяр Курбанов, герой гражданской войны в Туркменистане, первый председатель местного Совета...

Так сложилось, что вся моя творческая жизнь оказалась связанной с Геркезом и его великими сыновьями, с добрыми и трудолюбивыми людьми, живущими там ныне. Естественно, раз побывав в этом горном крае, я не мог не полюбить его, не заинтересоваться его историей, не восхититься поэтичностью природы, не отдать ему за все это своеобразную дань.

Уже не одно десятилетие поэзия Махтумкули, его личность, его образ питают воображение художников всех мастей — писателей и композиторов, кинематографистов и деятелей сцены, мастеров кисти и резца...

Попытался и я воссоздать в бронзе облик поэта-мыслителя. Много раз бывал в Геркезе, подолгу жил там, перезнакомился со всеми его жителями. Рисовал стариков, выискивая характерные черты, которые могли помочь в работе над образом Махтумкули. Все геркезцы потом были первыми ценителями моих рисунков, выставок, которые я устраивал в селе. Итогом моих усилий тех лет — это было тридцать лет назад — стал бронзовый бюст Фраги, стоящий ныне у входа в музей поэта на его родине.

В разные годы творческие замыслы уводили меня на время от Махтумкули. Но подспудно он продолжал жить во мне, интерес к нему не пропадал никогда. И, в конце концов, я вновь обращался к гению туркменского народа. Сделал несколько сувенирных статуэток поэта в бронзе и фарфоре. Бронзовые фигуры Махтумкули моей работы стоят в Институте литературы его имени, в зале Президиума Верховного Совета Туркменистана, в обществе «Знание».

Попробовал я вылепить и бюст отца Фраги — Довлетмамеда Азади. Но это, что называется, чисто творческая работа, для себя. Однако и она многое дала мне для понимания сути поэта.

А по просьбе геркезцев, в памяти которых живы и сегодня добрые воспоминания об Аллаяре Курбанове, я сначала сделал его бюст, который четверть века стоял у входа в сельскую школу. Недавно земляки народного героя на собственные средства заказали его памятник. И я, конечно, выполнил их просьбу. В скором времени, надеюсь, уже отлитая в бронзе фигура Аллаяра Курбанова будет установлена в его родном селе.

С годами преображается, хорошеет Геркез. В последнее время, когда интерес к национальной культуре и духовности, их истокам необыкновенно вырос, маленькое горное селеньице на границе с Ираном стало своеобразной Меккой для всех, кто любит поэзию, чтит Махтумкули.

По традиции в ласковые майские дни в Геркезе, как и во всем Туркменистане, проводятся Дни Махтумкули. Сегодня этот праздник впервые отмечается на уровне официального торжества. Но все, что связано с именем певца народных печалей, радостей и надежд, всегда, а сегодня тем более, было лишено даже налета какой бы то ни было официальщины. Дни Махтумкули были и остаются народным праздником, выражением безграничной любви к поэту.

Этим же чувством, думаю, продиктовано желание земляков поэта иметь у себя не только бюст, но и памятник Фраги. В прошлогодний праздник я показал в Геркезе его гипсовую модель. Она понравилась и сельчанам, и гостям торжества. Для сооружения памятника необходимы средства. Надо всем миром помочь геркезцам в сборе этих денег. Это может быть помощь спонсоров, а любой гражданин может поддержать эту идею и собственными средствами, послав их в Гаррыгала с пометкой «На памятник в Геркезе» на счет № 14-217 АК-АПБ, Гаррыгалынский райисполком.

Уверен, что памятник Махтумкули в Геркезе будет.

А. ЩЕТИНИН,
заслуженный деятель искусств Туркменистана.

Махтумкули

Круг

Я в час, когда блеснул рассвет,
На Сонги-даг ступил, о беки!
Потоки вод эренам вслед
Я вброд переходил, о беки!

Я слушал крики лебедей,
Играющих среди зыбей;
Подругам юности моей
Я отдавал свой пыл, о беки!

Я рыскал по степи верхом.
Склонялся над степным цветком,
Я неимущих серебром
И золотом дарил, о беки!

Бежал я помыслов дурных,
Служил мне конь удач моих;
Абикевсерских вод хмельных
Я сорок чаш испил, о беки!

Я беден был, ходил в слезах,
А завтра — мерил в небесах
Просторы синие размах
Моих могучих крыл, о беки!

На тетиве родной страны
Я был стрелой в часы войны;
Из рая милой без вины
Я жизнью изгнан был, о беки!

Пускай ценители придут,
Суд надо мной произнесут, —
В огне страстном окреп мой труд:
Я двадцать лет любил, о беки!

Поет Фраги: моя спина
В горбатый лук превращена,
Я закатился, как луна,
Свой круг я завершил, о беки!

Перевод Арсения ТАРКОВСКОГО.

Единственная роль

Костерок едва дымился. Угольки саксаула подернулись серебристым пеплом. Махтумкули и Ягмур, увлеченные разговором, забыли о кипящем кумгане.

А разговор был нелегкий. Ягмур говорил о своей трудной, невысказанной любви к Акгыз, жене старшего брата Махтумкули. Он, познавший горечь неразделенного чувства, хочет предостеречь юного друга от ошибки. В ауле ходят слухи, что на Менгли, возлюбленную поэта, заглядывается сын могущественного сердара... Махтумкули вспыхнул. Выхватив из костра и зажав в руке горящие угольки, он с тихой яростью произнес:

— Вот этим заткну глотку каждому, кто произнесет два этих имени рядом!

Таким эпизодом начинается двухсерийная картина Ходжакули Нарлиева «Фраги — Разлученный со счастьем» — о юности гения, о становлении таланта и личности будущего великого поэта.

У Аннасеида долго не получалось яростной вспышки. В жесте, словах, мимике не было душевной боли, отчаяния и беспомощности юноши, тревоги за судьбу Менгли. Сложная гамма чувств оказалась не подвластной непрофессиональному актеру. И простой физической боли (угли в ладони!) не мог передать Аннасеид — в кулаке он зажимал покрашенный в красный цвет холодный камешек...

Репетировали долго — и безуспешно. Стали снимать другие сценки, без поэта: Аннасеид попросил оставить его наедине. Побродил у извилистой речушки. Посидел под шатром плакучей ивы, листая томик Махтумкули — никогда не расставался с ним. В тихой задумчивости трогал струны дутара, наигрывая мелодию «Кечпелека»...

Часа через полтора подошел к Нарлиеву, сказал тихо: готов сниматься. Сняли один-единственный дубль: большей естественности и глубины чувств нельзя было ждать даже от самого талантливого актера. Ходжакули обнял юношу. И заметил при этом, что тот держит правую руку как-то неестественно, на отлете. Нарлиев увидел на его ладони два маленьких ожога...

Как испытать настоящую физическую боль? А от нее летящую, как по бикфордову шнуру, — вспышку душевной боли — ярости оскорбленного юноши? Аннасеид незаметно для окружающих вместе с бутафорским камешком зажал в руке жаркий уголек саксаула. Хорошо — был только один дубль; что стало бы с рукой музыканта, если б потребовалось повторение?!

Такой актерский «натурализм» очень смутил Нарлиева. Он строго выговорил юноше, но и для себя извлек урок — как дальше работать с актером, чуждым всяческих ухищрений «школ представления и переживания». Оказалось, Аннамурадову репетиции просто не нужны: утомляют, расхолаживают, а результат — нулевой. Человек переимчивый, он способен, конечно, воспроизвести показанное режиссером. Но в таком копировании не участвует душа, глухи чувства. И отныне Нарлиев просто объяснял ему ситуацию, говорил — думай, и занимался другими. По-детски непосредственный, Аннасеид ставил себя на место юноши-поэта и... становился им. Жил в стихии поэзии, в атмосфере времени Махтумкули, его отношений с окружающими, в силовом поле его чувств и страстей. Как пережил и ту самую боль — боль обожженной ладони и горящего сердца влюбленного поэта...

Привел Аннасеида на «Туркменфильм» Курбан Аннакурбанов — второй режиссер фильма о Фраги (ныне он начал сам снимать историческую драму). Привел на кинопробы. Нарлиев не увидел в стройном застенчивом юноше ничего примечательного: открытое лицо, широкий лоб. Правда, выразителен взгляд из-под густых бровей.

— Аннасеид — музыкант. Ведет класс дутара в музыкальной школе, — представил юношу Курбан. — Я попросил его прихватить инструмент. На всякий случай...

Наложили легкий грим. Накинули на плечи халат, надели расшитую тюбетейку («подарок Менгли»). Попросили сыграть любую мелодию на стихи Махтумкули. Он тронул струны... Как он играл, этот юноша! Куда подевалось недавнее смущение? Нет, не мастерство музыканта покорило режиссера — оно было несомненно. Его поразили глаза дутариста, глубокий, сосредоточенный взгляд, ушедший в себя. Взгляд — трепетная мысль, воплощенная в музыке — в легких, летучих образах тихой волнующей мелодии. Нарлиев узнал ее: один из лучших мугамов знаменитого Мыллы Тачмурадова. Аннасеид не просто воспроизводил знакомый мотив — он думал музыкальными образами, и эта сложная работа мысли преображала, одухотворяла его лицо, юное и мудрое... Позже, посмотрев кинопробы на экране, режиссер сказал себе: «Это — он...»

Так на долю Аннасеида Аннамурадова, музыканта в третьем поколении — внука Мыллы Тачмурадова, выпала честь создать образ юного поэта в самую трудную пору мужания таланта и личности. Это оказалось единственной экранной ролью Аннасеида. (Пока?). Были приглашения. Но отказывался от любых: ожидал обещанного Нарлиевым продолжения «Фраги» — о странствиях поэта.

Впрочем, это не единственная причина отказов.

— Не отпускает музыка, судьба моя, — просто сказал Аннасеид, ныне солист ансамбля народных инструментов Гостелерадио.

Аннасеид возмужал за эти годы: десять лет прошло! Женился. Нет, не на той, что играла роль Менгли. Стал отцом. Свой дом построил в колхозе «Ленинград», что в Карадамаке. А в кино не хочет, просто не может сниматься:

— Играть кого-то — после Махтумкули?! Для меня эта работа была праздником души. Не могу изменить юному поэту. Пусть роль останется одной-единственной. Любимой. И праздник останется со мной — навсегда.

Х. ГУСЕЙНОВ.

НА СНИМКЕ: кадр из фильма.
Фото Ю. ШКУРИНА.

Главный редактор Ю. Ф. САЛАМАНОВ.

Туркменская искра
Орган Правительства и Верховного Совета Туркменистана

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 744604, г. Ашгабат, ул. Атабаева, 20 ТЕЛЕФОНЫ: заместителей редактора — 29-14-84, 46-87-71; секретариат — 46-87-79, 25-22-14. ТЕЛЕФОНЫ ГРУПП: общественно-политической жизни — 25-51-25, 46-84-55, 46-68-60; государственного строительства и социально-экономических проблем — 25-21-28, 46-87-74; оперативной информации — 25-25-47, 46-68-46, 46-87-72; сектор писем — 46-68-40, 25-21-13. Реклама и объявления принимаются по телефонам: 25-40-10, 25-30-14. ТЕЛЕФОНЫ КОРПУНКТОВ: в Мары — 3-37-58; Небитдаге — 2-13-67; Дашховузе — 2-51-03; Красноводске — 1-72-96; Чарджеве — 2-28-61. Индекс 69466. Газета отпечатана в Ашгабатском Доме печати. Печать — высокая. Формат А-2. Объем 2 п. л. Редакция не несет ответственности за содержание публикуемых объявлений. По всем вопросам обращаться в отдел объявлений издательства (телефоны: 25-30-14, 46-81-70). Тираж 35 393.
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРАВИТЕЛЬСТВА ТУРКМЕНИСТАНА